

■ ИСКУССТВО ЖИТЬ ДОСТОЙНО

Пока мы помним

Общая газета. - 1999, - 16-22 сент. - с. 9

ВТОРАЯ ходка свалилась на него в самом конце сороковых. Чудом выживший, он хорошо понимал, что ждет его впереди. Развод, побудка, лесоповал, пелагра, дистрофия...

Выручила квалификация нормировщика, туфтача по лагерной фене, но она дала ему возможность спать утром, а работать ночью, без догляда.

Рика, жена, после двадцатилетия лагерей была сослана «навечно» в далекую Сибирь. Подрастающая дочь отбывала административную ссылку в неблизкой Башкирии. Он колел в Усольяге, не надеясь совсем уж выжить, придумал он написать для дочки, кто она и откуда. Кто ее деды и дядья, тетки, братья и сестры, большей своей частью сгинувшие в печах Освенцима. И городка — маленького местечка Горки в белорусской глубинке — уже не было, его сровняли с землей отступающие немцы. А кругом морозом трещали леса и не было конца-края этой длинной дороге к смерти.

Около года, ночами, отнормировав выработку — вранье за жалкую пайку, он писал и писал в толстой тетради своей Наташке горькую судьбу еврейской семьи в середине двадцатого века в России. И дописал. И перетырил вольным, и дошла она, тетрадка, до Рики в Сибирь, а потом и до Наташки, уже жившей одиноко в Москве, в старой их квартире. Потому что усатый сдох, а ее, высылая, за хлопотами убийств, забыли лишить прописки.

И вернулась из «вечной» Рика. И вскоре, через год, вернулся и он, в родной город и дом.

Но тетрадка пропала. Безмозглая молодежь Наташкиной юности замотала ее куда-то, алчная до чтения и легкомысленная к чужому. Пропала тетрадка. И ясно было, что заново этого уже не осилить, и эта частичка жизни сгинула в тартарары проклятой судьбы.

Прошло тридцать три года. На Россию напознали перемены. Скрываемые им рассказы лагерных беспределов стали выкрадываться на страницы журналов. Его стали таскать на телеэкраны, снимать в кино и сажать в президиумы.

Однажды раздался звонок по телефону: «Лев Эммануилович, мы на днях слушали Вас по телевидению, Вы не знаете нас, но в нашей семье много лет живет тетрадка, очень похожая на ту, что Вы рассказывали... Приезжайте!» Обмер и полетел. Окраина Москвы. Крошечная квартирка. Милые, интеллигентные люди. Она!

Хозяин достал из холодильника водки...

И еще прошло с десятков лет. И опять звонок по телефону.

«Лев Эммануилович, мы не знакомы, но вот я, недавно, сидел на губе, в Ставропольском крае, в армии, и там мне попались ваши рассказы в «Юности»

о лагерной жизни. Можно я Вас подъеду поблагодарить?»

Конечно, говорит, с радостью. Накрыв стол, бутылки-закуски.

Приехал. Молодой. Не курит-не пьет. Слово — за слово. «А что, Лев Эммануилович, нет ли у вас чего издать, я теперь разбогател немного и был бы рад...»

«Да вот разве тетрадка есть у меня одна...»

И вышла книжка — «Позавчера и сегодня». Лев Разгон.

Фамилия этого молодого человека — Колеров. Он хозяин частных бензokolонков Москвы. А мы скулили: новые русские, новые русские.

Как хотите, а в России надо жить долго.

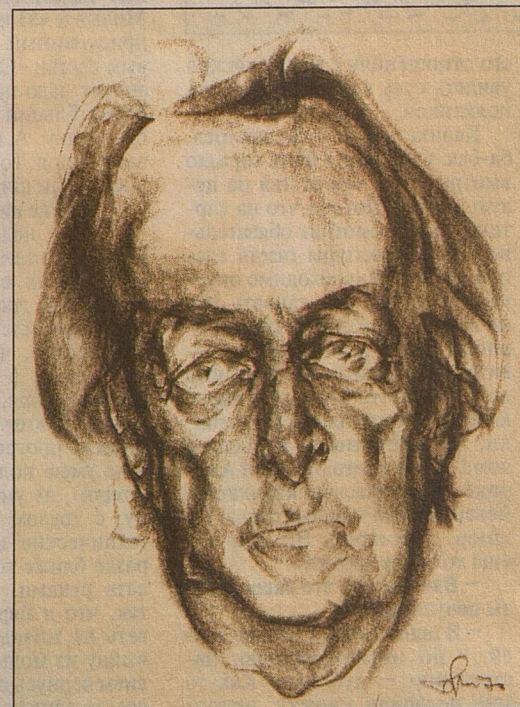
Он и прожил долго, уйдя от нас на 92-м году жизни.

Осиротив нас, оставив в счастливой печали. Мы жили, жили с ним, трогали друг друга, молчали вместе.

Ты все равно еще долго будешь жить, Лева.

Пока живы мы.

Борис ЖУТОВСКИЙ

Б. Жутовский. Портрет Льва Разгона